

Наталья Дудинская:

Балет — ЛЮБОВЬ МОЯ...

Тридцать лет назад на страницах нашей газеты известный музыковед и критик В. Богданов-Березовский писал о «безупречной технике танца Дудинской — гибкой, выразительной, легкой, как будто даже неприметной глазу, что является наиболее высокой, совершенной степенью мастерства...».

Навсегда вошло в историю советской хореографии имя прославленной ленинградской балерины. Целые поколения зрителей нашего города она не только покорила своим мастерством, но и заставила навсегда полюбить несравненное балетное искусство.

Ныне народная артистка СССР, лауреат Государственных премий Н. М. Дудинская преподает в Ленинградском академическом хореографическом училище имени А. Я. Вагановой. Сегодня она — наш собеседник.

— Наталья Михайловна, путь артистки балета обычно начинается еще в детстве. Вы уже тогда мечтали стать балериной?

— Признаться откровенно, в ту пору, хотя я безумно любила танцевать, мечтала я... о цирке, о карьере воздушной гимнастки.

Моя мама, руководившая балетной студией в Харькове, знала, что если я вдруг куда-то потерялась, то искать меня надо в цирке.

А начало моего балетного пути — осуществление заветной материнской мечты. Моя мама — Надежда Дудинская-Тальори мечтала выступать на сцене Мариинского театра, но заниматься она начала поздно, и в театр ее не приняли, хотя, по свидетельствам современников, она была очень хорошей танцовщицей.

Секреты хореографии я начала постигать уже с семи лет. Танцевать мне очень нравилось. И заниматься я могла целый день. Ухитрялась проделывать экзерсисы и с младшими, и со средними, и со старшими. К десяти годам я уже была опытной «артисткой», выступала и соло, исполняя танец «Матлёт» под духовой оркестр, участвовала в спектаклях. Мое имя даже упоминалось в рецензиях.

Но однажды вся эта увлекательная жизнь надоело прервалась. Мама увезла меня в Ленинград, показала знаменитому балетному педагогу Агриппине Яковлевне Вагановой, и та порекомендовала отдать меня в Хореографическое училище.

Помню, что вступительный экзамен я держала почему-то вместе со взрослыми девушками. Уверенно выполнила все задания педагога и была принята по специальности сразу в пятый класс. А вот по общеобразовательным предметам — всего лишь во второй. Первое время, признаться, в училище мне было не очень-то интересно: ведь все, что тут проходили, было мне уже знакомо. Зато в старших классах, которые вела Ваганова, я была вознаграждена за все.

На выпускном спектакле, ко-

торый состоялся в июне 1931 года, я исполняла па-де-де из балета «Корсар» вместе с Сергеевым и вальс на музыку Лобачева, где моими партнерами были Зубковский и Фидлер. Ставил этот номер молодой балетмейстер Якобсон, и исполнение его требовало подлинной виртуозности.

После окончания учебы я была принята в труппу Кировского театра, с которым в те пор в течение более трех десятилетий была связана моя судьба.

Моей первой сольной партией стала Одетта—Одиллия в «Лебедином озере». Думаю, вам понятно, какого большого напряжения потребовала эта работа.

— За время столь продолжительного творческого пути у вас были десятки партий, и среди них есть, без сомнения, какие-то самые дорогие?

— Безусловно. Прежде всего мне особенно запомнилась работа над первым советским балетом. Это был спектакль «Пламя Парижа» на музыку Асафьева, который поставил балетмейстер Вайнонен. Мне довелось станцевать в нем партию придворной актрисы Мирейль де Пуатье, помогавшей восставшим парижанам. С большим энтузиазмом работали мы все над этим спектаклем.

Значительным событием явилось и то, что замечательный танцовщик Вахтанг Чабукиани, который был тогда премьером нашего театра, предложил мне стать его партнершей. Вместе мы танцевали в таких сложнейших классических спектаклях, как «Дон-Кихот» и «Баядерка».

Затем Чабукиани поставил балет Крейна «Лауренсия», где я была первой исполнительницей заглавной партии.

Трудно даже передать, какой восторг вызвала у меня эта работа! вновь и вновь перечитывала я героическую пьесу Лопе де Вега, расспрашивала всех, как играла Лауренсия прославленная Ермолова. Но в образ моей героини постаралась внести что-то из черт отважных дочерей моей эпо-

хи — тех, кто участвовал в революции и в гражданской войне. Была счастлива, когда эта моя работа имела успех. На долгие годы партия Лауренсии заняла прочное место и в репертуаре нашего театра, и в моем.

Почти в то же время довелось мне впервые съездить на зарубежные гастроли. В 1935 году в группе мастеров советской культуры выступала в Турции. В состав этой группы входили такие известные певцы, как Барсова и Максакова, Норцов и Пирогов, музыканты Обориш, Ойстрах, Шостакович.

Возвращаясь к своим любимым партиям, назову «Золушку». Балет этот рождался в суровую военную пору. Театр был в эвакуации в Перми. И вот там в маленькой комнате при свете копилки композитор Прокофьев и хореограф Сергеев задумали этот спектакль, который стал симфонией победы добра над злом, симфонией света и радости.

Очень любила я и спектакль, который станцевала в последние годы своих выступлений на сцене, также поставленный Сергеевым, — балет «Тропою грома» Кара Караева, рассказывающий о борьбе против сил разизма и мракобесия. Моя героиня Сари утверждала, что истинной любви не могут служить преградой расовые предрассудки.

Три названные партии, как говорится, «самые-самые». Но были в моей творческой жизни и другие интересные работы. Здесь в первую очередь хочется назвать искрометный балет Хачатуряна «Гаянэ», поставленный Ниной Анисимовой также в суровую военную пору. И в этом спектакле я была первой исполнительницей заглавной партии.

— Нередко можно услышать, что вас называют «наследницей Вагановой». Расскажите об этой творческой дружбе.

— Я уже упоминала о том, что именно Агриппина Яковлевна определила мою творческую судьбу. Она же была педагогом моего выпускного класса. Придя в театр, я занималась с нею в классе усовершенствования, а спустя много лет по ее просьбе сама возглавила этот класс. Следуя советам Агриппины Яковлевны, я начала преподавать и в Хореографическом училище.

(Вспоминаются слова Вагановой: «Виртуозная танцовщица, Дудинская достигла тех высот, в которых превосходит большинство балерин. Появление Дудинской в классе усовершенствования артистов вдох-

новляет всех и больше всего меня. Нет такого замечания, которое она пропустила бы мимо ушей. Эта артистка относится к своему искусству с глубоким уважением и любовью — вот в чем секрет ее огромных достижений в танцах. Она горит, когда творит на сцене. Все ее переживаний так глубоки, так ясно понятны и доходят быстро до зрителя, и он рукоплещет ей от всей души. Она должна служить ярким примером для любого артиста, как надо любить свое дело...»).

Все заветы Агриппины Яковлевны, все «секреты» ее методики я старалась и стараюсь как можно полнее раскрыть и передать своим ученикам. Будь то танцовщицы и балерины во время занятий в классе усовершенствования, будь это воспитанницы Хореографического училища, где я ныне работаю. Горжусь, к примеру, тем, что моя выпускница нынешнего года Рита Кулиш еще в годы учебы стала дипломантом Всесоюзного конкурса артистов балета. Ныне она принята в труппу Кировского театра.

Хотелось бы лишь от души пожелать, чтобы в театре больше заботились о продолжении тех традиций, которые постигают наши питомцы в стенах училища.

— Скажите, а если бы вам предстояло заново решать свою судьбу, какую бы дорогу вы избрали?

— Безусловно, стала бы балериной. Балет — любовь моя. Наше искусство понятно людям всех стран без перевода. По праву горжусь тем, что мы, артисты советского балета, продолжаем и приумножаем лучшие традиции прославленной во всем мире русской классической хореографии, утверждаем своим искусством высокие идеалы гуманизма.

Верному служению высоким традициям русского и советского балета я стараюсь научить своих учеников, передавая им творческую эстафету.

Беседу вела
Т. САТЫР